

Н. Д. КОЧЕТКОВА

ГЕРОЙ РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА

1. Чтение в жизни «чувствительного» героя

Для русского общества XVIII в. с его ускоренными темпами развития чтение стало важнейшим стимулом и одновременно средством освоения европейской и мировой духовной культуры. «XVIII век в России, — писал П. Н. Берков, — это век исключительно усердного чтения».¹ В этом отношении не был исключением период формирования и развития русского сентиментализма.

Чтение как важнейший элемент культуры и быта XVIII в., естественно, находило постоянное преломление в литературе. Отношение к книге, круг чтения, наконец, самый процесс чтения — все это менялось на протяжении века в соответствии с главенствовавшими эстетическими представлениями. По-разному интерпретировалась в литературе и самая тема чтения.

Упоминание отдельных произведений и их авторов, эпитафии, цитаты, реминисценции обнаруживали литературную ориентацию писателя-сентименталиста, так же как и в предшествовавшие эпохи: появлялись другие имена, но принцип оставался прежним.

Одним из важнейших новшеств сентиментализма явилось возникновение нового типа героя — героя, в жизни и даже в судьбе которого чтение играет значительную, а иногда и определяющую роль. «Книжный» характер такого героя по существу отражал важнейшие процессы, происходившие в жизни русского общества конца XVIII—начала XIX в. В этот период интенсивно пополнялись ряды русской интеллигенции, расширялся ее социальный состав за счет среднепоместного и мелкопоместного дворянства и разночинцев.² Появлялось все больше «знающих гра-

¹ Берков П. Н. Проблемы исторического развития литератур. Л., 1981, с. 148.

² См.: Штрагге М. М. Демократическая интеллигенция в России в XVIII веке. М., 1965.

моте девиц», читавших беллетристику и занимавшихся переводами. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802) Н. М. Карамзин упоминал об интересе к газетам среди купцов и мещан: «Самые бедные люди подписываются и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель».³ Наибольшим же спросом у читателей, по свидетельству Карамзина, пользовались романы. И. И. Дмитриев в своих воспоминаниях, относящихся к 1820-м гг., отмечал: «В зрелых летах Хераскова читали только просвещеннейшие из нашего дворянства, а ныне всех состояний: купцы, солдаты, холопы и даже торгующие пряниками и калачами».⁴

Таким образом, русские писатели-сентименталисты, вводя в литературу «читающего героя», не только использовали опыт западноевропейских авторов, но прежде всего обращались к самой отечественной действительности.

В создании нового типа героя особенно заметно проявились демократические тенденции, принесенные литературой сентиментализма. В ее произведениях стали изображаться, как правило, не цари и герои, а обыкновенные люди. Их характер раскрывался не в великих деяниях, подвигах или преступлениях, а в обыденной, повседневной жизни. Первостепенное значение здесь имела трансформация жанровой системы. Высоким жанрам (ода, эпопея, трагедия) соответствовал не только высокий стиль, но и определенный тип героя. Литература сентиментализма, выдвинувшая на первый план прозу, а в поэзии такие жанры, как дружеское послание, элегия, песня, естественно, обратилась к разработке нового типа героя. Этому способствовало и постепенное сближение и взаимодействие литературных и документальных жанров. В письмах, дневниках, мемуарах все более значительное место стали занимать сообщения о прочитанных книгах, вызванные ими размышления. Замечательный материал в этом отношении представляют собой письма М. Н. Муравьева.⁵

Характерное для сентиментализма обращение к внутреннему миру человека, миру его «чувствований» меняет отношение писателей-прозаиков к сюжету. На смену авантурным повестям и романам приходит проза, в которой исчезает событийная перенасыщенность, появляется жанр сентиментального путешествия и бессюжетного прозаического этюда. Возникает «проза о чувстве, а не о событии».⁶ Соответственно больше внимания уделяется характеру героя, более глубокой становится связь между этим характером и развитием событий в сюжетных повестях.

³ Карамзин П. М. Избранные сочинения: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. 2, с. 177. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁴ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. — В кн.: Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893, т. 2, с. 20.

⁵ См.: Муравьев М. Н. Письма отцу и сестре 1777—1778 годов/ Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова. — В кн.: Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980, с. 259—377.

⁶ Шкловский В. Чулков и Левшин. Л., 1933, с. 215.

«Чувствительные» герои далеко не однотипны. Их различия во многом predeterminedены прежде всего жанром произведения. Характеры героев сходным образом раскрывались в сходных ситуациях. Вполне закономерно интерес исследователей был обращен к сюжетной стороне сентиментальных повестей и романов.⁷ Однако особенности характера их литературного героя до сих пор достаточно полно не выявлены. С этой проблемой связана и другая, не менее существенная и еще более трудная — соотносимость между литературным героем и реальным типом «чувствительного» человека конца XVIII—начала XIX в. Воссоздать такой тип с большей или меньшей степенью достоверности помогают документальные материалы эпохи, а также документально-литературные жанры.⁸ Интереснейший аспект поставленной проблемы представляет собой вопрос о чтении и «читающем» герое в русской литературе сентиментализма.

Чтение — важнейшее занятие «чувствительного» человека. С особым вниманием он относится к самому процессу чтения. Важно не только что, но и как он читает. Немалое значение имеет при этом внешний вид книги, ее формат. Характерен в этом отношении отзыв А. Т. Болотова о книге Н. М. Карамзина «Мои безделки»: «Было и то хорошо, что напечатана она была в маленьком и таком формате, что могла служить карманною книжкою и употребляема быть для приятного чтения при прогулках, почему, без сомнения, многие ею будут довольны и пожелают, чтоб господин Карамзин и далее продолжал сим образом свои „безделки“». ⁹

Книга становится излюбленным спутником в одинокой прогулке.¹⁰ Чтение на лоне природы, в живописном месте приобретает особую прелесть в глазах «чувствительного» человека. В повести Карамзина «Рыцарь нашего времени», как известно, построенной во многом на автобиографической основе, подробно описывается, как читал Леон: «С каким живым удовольствием маленький наш герой в шесть или семь часов летнего утра <...> спешил с книгою на высокий берег Волги, в ореховые кусточки, под сень древнего дуба! <...> Шляпка служила ему столиком: на нее клал он книгу свою, одною рукою подпирая голову, а другою перевертывая листы <...>. Иногда, оставляя книгу, смотрел он на

⁷ См.: Сиповский В. В. 1) Очерки из истории русского романа. СПб., 1910, т. I, вып. 2; 2) Русский роман, переводной и оригинальный, за первую половину XIX столетия (1800—1850). — Архив ИРЛИ, ф. 279, № 21; Brang P. Studien zu Theorie und Praxis der russischen Erzählung 1770—1811. Wiesbaden, 1960.

⁸ О проблеме соотносительности художественных и литературных жанров см.: Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1971.

⁹ Губерти Н. В. Андрей Тимофеевич Болотов как критик и рецензент литературных произведений. — В кн.: Губерти Н. В. Историко-литературные и библиографические материалы. СПб., 1887, с. 24.

¹⁰ Описание одинокой прогулки — одна из характерных тем в литературе сентиментализма. См.: Фоменко И. Ю. Из прозаического наследия М. Н. Муравьева. — Русская литература, 1981, № 3, с. 121—124.

сине пространство Волги, па белые парусы судов и лодок, на станции рыбацких, которые из-под облаков дерзко опускаются в пену волн и в то же мгновение снова парят в воздухе» (I, 766). Воспоминания о прочитанных книгах нередко связаны для героя с воспоминаниями об окружавшем его при чтении пейзаже.

Характерно, что тема «чтение во время прогулки» появилась уже в ранних прозаических этюдах Карамзина: «Прогулка» (1789) и «Деревня» (1792). В первом произведении упоминается, что герой идет на прогулку, «взяв в руки своего Томсона»,¹¹ т. е. книгу Дж. Томсона «Времена года». Эта же книга оказывается спутником героя во время прогулки, описанной в этюде «Деревня»: «Нахожу Томсона — иду с ним в рощу и читаю — кладу книгу подле малинового кусточка . . . погружаюсь в задумчивость и потом снова берусь за книгу».¹² Самый процесс чтения на лоне природы доставляет, «чувствительному» человеку эстетическое наслаждение. Одновременно книга становится соучастником его собственных переживаний.

Прогулка с книгой в руках — распространенный мотив, помогающий «узнаванию» чувствительного героя. Интересна в этом отношении завязка одного из первых русских сентиментальных романов — «Роза» (1786) Н. Ф. Эмина. Герой романа Милон, отправившись на прогулку, ложится на холме с книгой — «Ночные размышления» Э. Юнга. Поблизости прогуливаются две девушки: Роза и ее сестра Краса. Роза тоже держит в руках книгу, пребывая в «глубоких размышлениях». Милон слышит, как Краса говорит Розе: «По чести, Роза, с тобою очень весело прогуливаться: всегда верный случай зевать. Вертера знаешь почти наизусть и без него ни на шаг. Когда он тебя растрогает, то ты за Юнга, и ну его целовать, ну плакать».¹³ Оказывается, что в этот раз Юнга у Розы с собой нет. Милон протягивает сквозь ветви свою книгу: это и служит началом знакомства «чувствительных» героев.

Далеко не всегда упоминаются авторы и названия книг, которые читают герои. Важно, однако, что они любят читать, проводят за книгой много времени. Противопоставление положительных и отрицательных героев нередко основывается и на их отношении к чтению. В романе Эмина Ветрогон говорит о Милоне: «Он любит чтение, настоящий Гераклит!»¹⁴ Ветрогон же предпочитает проводить время за игрой в карты и веселиться в обществе актрис.

В ранней повести Н. М. Карамзина «Евгений и Юлия» рассказывается о зачатиях Юлии: «Когда же наступала пасмурная осень и густым мраком все творения покрывала или свирепая зима, от севера несущаяся, потрясала мир бурями своими, когда в нежное Юлино сердце вкрадывалась томная меланхолия и ти-

¹¹ Детское чтение для сердца и разума, 1789, ч. XVIII, с. 161.

¹² Московский журнал, 1792, ч. 7, кн. 1, с. 57.

¹³ Эмин Н. Ф. Роза, полусправедливая оригинальная повесть. 2-е изд., испр. СПб., 1788, с. 15.

¹⁴ Там же, с. 117.

лими вздохами колебала грудь, тогда брались за книги, бессмертные творения истинных философов, писавших для пользы рода человеческого, тогда читали и перечитывали письма любезного Евгения».¹⁵ Далее выясняется, что Евгений «подарил Юлии множество пот, множество французских, итальянских, немецких книг» (с. 91).

По текстам литературных произведений конца XVIII—начала XIX в. можно воспроизвести примерный круг чтения героев, заметить, как меняются их вкусы и принцип выбора книг. Далекое не всякое чтение могло служить положительной характеристикой героя. Уместно в этой связи напомнить сцену из фонвизинской комедии «Бригадир» (1769). Темой общей беседы становится вопрос о том, что читать. Бригадир рекомендует «артикул и устав военный», Советник — указы, Бригадирша — расходные тетрадки, и наконец, Советница и Иван — «любезные романы». К чтению любовных романов (очевидно, французских) автор «Бригадира» относится с явным скепсисом и пренебрежением — в духе традиций русского классицизма. Позднее, в «Недоросле» (1782), Фонвизин дает положительный пример чтения. Софья читает книгу Фенелона «О воспитании девиц», и Стародум хвалит ее: «Я не знаю твоей книжки, однако читай ее, читай. Кто написал Телемака, тот пером своим нравов развращать не станет. Я боюсь для нас нынешних мудрецов».¹⁶ «Нынешние мудрецы» — современные Фонвизину французские писатели. Известно, что скептически относясь к ним, драматург исключение делал для Ж. Ж. Руссо, поклонницей которого была и его сестра, Ф. И. Фонвизина, в замужестве Аргамакова. Исследователи не без оснований считали ее возможным прототипом образа Софьи.¹⁷

Вопрос о чтении «для девиц» подробно обсуждался в упомянутом уже романе Н. Ф. Эмина «Роза». Граф Д*, отец Розы, спрашивает Милона, «какого рода романы более для девиц полезны». В ответе Милона содержится достаточно большой рекомендательный список для чтения: «Мне кажется, что романы Фильдинговы, Софья и Эмилий, новый Абельярд, Мармонтелевы сказки, сочинения г-жи Рикобони, девицы Штернгейм, Виландовы и тому подобные наградят скуку красавицы, не повреждая нежных сердец и не подавляя душевных доброт; что истина в них украшена, пороки представлены взору в обнаженном безобразном их виде, примеры взяты с природы; многие, — примолвил я, — пропуская правоучение и пленяются одною волшебною нитью восхищающего романа. Таковым, думаю я, наставники избирать

¹⁵ Русская сентиментальная повесть/ Сост., общая ред., вступ. статья и коммент. П. А. Орлова. М., 1979, с. 90. В дальнейшем ссылки на это издание — в тексте.

¹⁶ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959, т. I, с. 140—150.

¹⁷ См.: Кулакова Л. И. Деяис Иванович Фонвизин. М.; Л., 1966, с. 103—104; Запалов В. А. Проблемы изучения и преподавания русской литературы XVIII века. Статья 2. Ранний русский реализм. — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века. Л., 1978, с. 86—88.

Должны повести, кой не воспаляют воображения; но прелести, находящие пищу в размышлении, прелести, символ добродетели и кротости, ежели не ошибаюсь: Юнг, Вертер, Грандисон — вот их утешение».¹⁸ Перечисленные Милоном книги — это по преимуществу произведения европейской литературы сентиментализма и включенные в их ряд романы Г. Филдинга и Х. М. Виланда, воспринимавшиеся, очевидно, как произведения «чувствительных» авторов. Не пазывая имени Руссо, герой Эмина упомянул «Нового Абелярда», т. е. автора «Новой Элоизы». Имя автора «Истории девицы Штернгейм» — М. С. Ларош, очевидно, оставалось неизвестным эминскому Милону, так же как и переводчику романа на русский язык (1780). Герой повести особо выделяет три книги: «Юнг», т. е. «Ночные размышления» Э. Юнга, «Вертер» И. В. Гете и «Грандисон» С. Ричардсона. За исключением последнего романа, все упомянутые Милоном сочинения к началу 1780-х гг. были переведены на русский язык, причем некоторые («Ночные размышления» Юнга) переводились уже несколько раз.¹⁹ Таким образом, своеобразный рекомендательный список, предлагавшийся героем повести, мог быть использован читателями, не владевшими иностранными языками.

Интересно сопоставить этот перечень книг с отражающим принципы сентиментализма «Сокращенным курсом российского слога» В. С. Подшивалова: «Грандисон, Клариса Гарлов, Фильдинговы романы, Векфильский священник, Новая Элоиза, Похождения маркиза Г**, Жилблаз, Гусарское похищение, письма девицы Штернгейм и Вертер, несмотря на многих хулителей, никогда не потеряют цены своей».²⁰ Подшивалов называет произведения, упомянутые в романе Эмина, пополняя список не только романом О. Голдсмита «Векфильдский священник», вполне отвечающим вкусам сентименталиста, но и занимательными романами А. Р. Лесажа «История Жилблаза» и А. Ф. Прево д'Экзиля «Приключения маркиза Г...». Эти романы пользовались огромной популярностью, и «чувствительные» читатели охотно обращались к ним. В то же время герои произведений сентиментализма почти не упоминают романы Лесажа и Прево. Очевидно, это чтение не могло быть признаком той утонченности духа, которую герои демонстрировали, читая Юнга, «Вертера» и «Новую Элоизу».

В позднейших произведениях русского сентиментализма встречаются герои, у которых более широкий и разнообразный круг чтения, но предпочтение неизменно отдается трем названным книгам. Так, герой повести «Платок» «читал Локка, Монтеスキю, Волтера, но чаще Новую Элоизу и Вертера»; «Юнговы ночи

¹⁸ Эмин Н. Ф. Роза, с. 27—28.

¹⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. Т. 1—3. М., 1963—1966.

²⁰ [Подшивалов В. С.] Сокращенный курс российского слога, изданный Александром Скворцовым. М., 1796, с. 103.

были товарищами его прогулок; Система природы [Ш. Бонне] — предметом его размышлений».²¹

В романе Н. Ф. Эмина «Роза» постоянно упоминаются Юнг и «Вертер». Это книги, которые читают и перечитывают герои. В самый критический момент, когда Ветрогон вызывает Милона на поединок и Роза приходит в отчаяние, Ветрогон не без сарказма говорит ей: «Не угодно ли, ваше сиятельство, прочесть Юнга? Он вас утешит».²² Раненный на дуэли Милон, лежа в постели, вновь берется за Юнга.

Об интересе к творчеству Э. Юнга в России конца XVIII в. свидетельствуют многочисленные переводы, цитаты, подражания, упоминания и «читательские отклики».²³ Среди них особого внимания заслуживают документальные материалы о воздействии произведений Юнга на Карамзина. 31 мая 1823 г. в письме к И. И. Дмитриеву он вспоминает о далекой юности, когда друзья на берегу Волги «геройски отражая сон, ночью читали Юнга в ожидании солнца».²⁴ Милон назвал Юнга «утешителем несчастных», Карамзин писал в стихотворении «Поэзия» (1787): «О Юнг, несчастных друг, несчастных утешитель».²⁵

От «чувствительного» человека XVIII в. суждение о книге и ее авторе переходит к литературному герою, а этот герой, в свою очередь, служит образцом для подражания многочисленным читателям. Происходит постоянный и сложный процесс взаимопроникновения литературы и реальной действительности.

«Ночные размышления» Юнга оставались одной из любимых книг «чувствительного» героя не только в 1780—1790-е гг., но и позднее. Так, в прозаическом этюде «Любовь и дружба» герой сетует на свое одиночество. «Книги — единые товарищи уединения моего», — признается он. Из книг выбирается прежде всего Юнг: «Это Юнг, что он мне скажет?»²⁶

В повести «Жертва ложной дружбы», включенной в рукописный сборник уже конца 1810-х гг., герой подробно описывает чтение «Юнговых ночей», отчасти пересказывая содержание прочитанного: «Я читал ту статью, в которой он человека из праха, из ничтожества возвышает как наилучшее творение мироправителя бога, возвышает и опять делает малейшим существом, как червь, пресмыкающийся долу, как тленная смесь уничтожения и слабости, как пылинка, как пустая, легкая тень, привидение, которое скитается в неизвестности, в воздухе исчезает... Я несколько раз повторял эту высокую философию, которая почерпнута из столь редкого ума и дарования. «Оставь мечты, где дух

²¹ Из бумаг россиянки Н. А. Г. Платок. (Быль, из рукописей ее собрания). — Улей, 1811, ч. 2, № 7, с. 132.

²² Эмин Н. Ф. Роза, с. 168.

²³ См.: Левин Ю. Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма. — В кн.: От классицизма к романтизму. Л., 1970, с. 195—297.

²⁴ Письма Н. М. Карамзина к И. И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 351.

²⁵ Карамзин Н. М. Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1966, с. 62.

²⁶ Журнал для милых, 1804, ч. 1, № 2, с. 88.

мой заблуждался в лабиринте воображений», — так начинался пункт о бытии и смерти человека. Я его весь прочитал, остановился, — и слезы покатались из глаз моих». ²⁷

Если Юнг-поэт ассоциировался в сознании русских читателей с его лирическим героем в «Ночных размышлениях», то иначе обстояло дело с Гете и Руссо. Их герои, прежде всего Вертер, Юлия и Сен Прё, стали настолько популярны, что приобрели уже как бы некое самостоятельное существование. По-видимому, далеко не все почитатели «Вертера» знали его автора, а если и знали, то прежде всего по этой книге. ²⁸ Сходство с «Вертером» было отмечено не только в сюжете романа Н. Ф. Эмина «Роза», но и в характере главных героев. ²⁹ Сделанные наблюдения можно несколько расширить, проследив, какую роль книга Гете играет в жизни героев Эмина.

Помимо частых упоминаний о чтении «Вертера», эминская Роза начинает называть Милона Вертером. Иная литературная аналогия связывается с отрицательным образом Ветрогона, который пишет возлюбленной: «Не беспокойся, красавица; я все-таки еще твой Бова Королевич». ³⁰ Вертер противостоит, таким образом, Бове Королевичу, обращение к которому Эмин по традиции, идущей от Кантемира, оценивал как свидетельство неразвитого куска. ³¹

Литературные герои иногда высказывают свое резко отрицательное отношение к той или иной книге. Интересен, в частности, разговор о книгах в анонимном произведении «Несколько писем моего друга». По просьбе своей возлюбленной Амалии герой припросит ей книги: немецкие стихотворения и «заплесневелого Дон Кишота». Амалия отвергает эту книгу, заявляя подобно героям Эмина: «Роман трогательный, каков девицы Стернгейм, или Страдания молодого Вертера суть пища души моей». ³² Роман М. Сервантеса, как сатирическое сочинение, не удовлетворяет вкусам «чувствительных» героев, и «Дон Кишота» бросают в печь. Вместе с тем герои с удовольствием читают «Меркурия» (т. е. журнал «Немецкий Меркурий») Виланда, воспринимая его на свой лад, в соответствии со вкусами сентиментализма. ³³

²⁷ Отдел письменных источников Государственного исторического музея, ф. 1309 [Забелин], № 440, л. 55 об.—56.

²⁸ О знакомстве с Гете в России XVIII в. см.: *Сиповский В. В.* Влияние «Вертера» на русский роман XVIII века. — Журнал министерства народного просвещения, 1906, ч. 1, с. 52—106; *Берков П. Н.* К истории первоначального знакомства русских читателей с Гете. — В кн.: Гете. Л., 1932, с. 98—107; *Жирмунский В. М.* Гете в русской литературе. Л., 1981.

²⁹ *Степанюк Е. И.* Н. Ф. Эмин и «русская вертерiana». — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века, с. 107—114.

³⁰ *Эмин Н. Ф.* Роза, с. 89.

³¹ Характерно, что в негативном плане «Бову» упомянул и Державин в «Фелице» (1782).

³² Приятное и полезное препровождение времени, 1794, ч. 4, с. 174—175.

³³ См.: *Данилевский Р. Ю.* Виланд в русской литературе. — В кн.: От классицизма к романтизму, с. 319—320.

Совместное чтение, чтение, сближающее его участников, — вот еще один наиболее распространенный мотив в произведениях сентиментализма, идущий во многом от гетевского «Вертера». Вертер читает Лотте свой перевод Оссиана, и это становится решающим моментом в развитии событий: «Оба были глубоко потрясены. Страшную участь героев песнопения они ощущали как собственное свое горе, ощущали его вместе, и слезы их лились согласно».³⁴

В русских сентиментальных повестях, широко использующих этот мотив совместного чтения, конечно, ощущается ориентация на известный образец.³⁵ Но едва ли справедливо видеть здесь только литературный шаблон. Нельзя забывать, что каждый автор, упоминая «Вертера», — действительно восторженный читатель романа Гете, стремящийся выразить свое отношение к этой книге. Упоминание о чтении «Вертера» — реальная деталь, менее всего вымышленная и более всего достоверная при общей условной обрисовке характера героя. Книга Гете глубоко вошла в русскую бытовую культуру XVIII в. Одно из интересных свидетельств — рассказ П. А. Вяземского о поэте Е. И. Кострове: «Одно из любимых чтений Кострова было роман „Вертер“. Пьяный, он заставлял себе читать его и заливался слезами. Однажды в подобном положении после чтения любимого продиктовал он Дмитриеву любовное письмо во вкусе Вертеровом к любовнице, которую он знал».³⁶

Читаемая вслух книга помогает и героям русских повестей проникнуться сочувствием к судьбам персонажей, напоминающим им в чем-то собственные судьбы. В процессе чтения нередко является то, что оставалось недосказанным между героями.

Центральным эпизодом оказывается совместное чтение героев в повести Д. П. Горчакова «Пламир и Раида», где читаемой книгой оказывается «Вертер». «Пламенный слог автора получил новую душу в устах Пламира. Все оттенки чувствований были выражены со всею точностью. Пламир находил подлинник сей книги в сердце своем, а сердце выражать умеет. Раида сидела возле него. Нечувствительно голова ее почти наклонилась на плечо Пламира, локоть ее касался его локтя, взоры на него устремлялись; его голос проникал ей до внутренности сердца, и она чувствовала так, как он выражал. Дыхание ее становилось тягостно. По окончании одного периода, где автор изображал весь огонь пылающей любви, Пламир остановился, взглянул на Раиду. Взоры их встретились, и взаимное чувство, подобно электрической искре, мгновенно из одного в другое переселилось и сотрясло сердца их».³⁷

³⁴ Гете И. В. Собр. соч.: В 10-ти т. М., 1978, т. 6, с. 94.

³⁵ См.: Иванов М. В. Поэтика русской сентиментальной повести. — Русская литература, 1975, № 1, с. 115—121.

³⁶ Вяземский П. А. Записные книжки. М., 1963, с. 69.

³⁷ Горчаков Д. Пламир и Раида. М., 1796, с. 28.

Обращение к книге Гете дополняет историю героя в повести «Платок». Причина «рассеянной задумчивости» героя выясняется, когда друг навещает его в дождливый вечер и видит следующую картину: «Потухшая свеча стояла на маленьком столике, на котором он, облокотясь, поддерживал свою голову. Раскрытый Вертер, коего листьями шевелил ветер, сильно дующий в открытое окно, лежал у ног его».³⁸ При неразработанности сюжета повести (выясняется лишь, что герой влюблен в замужнюю женщину) названная книга служит своеобразным символом, наталкивающим читателя на ряд дальнейших ассоциаций. Разумеется, при этом предполагается, что читатель достаточно хорошо знаком с «Вертером».

Самое имя литературного героя становится своеобразным символом — знаком, понятным для посвященных. С изменением внутреннего состояния человека оказывается связанной и переориентация с одной книги на другую. Так, переломный момент в судьбе героя повести А. И. Клушина «Несчастный М-в» обозначен следующими фразами: «Юнг и Попа от него отброшены. „Вертер“ и „Новая Элоиза“ лежали на томящейся груди его» (с. 124). Герой отказывается от «нравоучительного», полезного чтения А. Попа (очевидно, его «Опыта о человеке», весьма популярного в России XVIII в.) и даже от «утешителя несчастных» Юнга, воспринятого здесь, по-видимому, как поэта-философа. На смену этим авторам приходит Гете, автор «Вертера», и Руссо.

Обычно, и не без основания, повесть А. И. Клушина рассматривают в русле традиции «русского вертеризма». Но не менее важна и ориентация на роман Руссо с его демократическими тенденциями, безусловно, привлекшими русского автора — Клушина. Конфликт его повести имеет ярко выраженный социальный характер: препятствием к соединению «несчастливого М—ва» с его возлюбленной Софьей оказывается их неравенство. «Несчастный М—в» — бедный учитель, который, «кроме достоинств ничего не имеет», Софья — дочь знатного и богатого человека. Главное же, упоминание книг, составляющих чтение героя, имеет значение для «узнавания» читателем не столько знакомого ему сюжета, сколько литературного образа, типа характера.

Ориентация на того или иного литературного героя, разумеется, никогда не означает полной идентификации с ним. Каждый писатель по-своему читает, по-своему интерпретирует прочитанное.

Я. Галинковский назвал своего героя «вторым злополучным Вертером».³⁹ Сперва он страдает от неразделенной любви, затем становится «счастливым любовником», но его возлюбленная оказывается вероломной. Судьба героя очень отдаленно напоминает историю Вертера, да и характеры их имеют не так уж много общего. «Второго» Вертера не могло быть, но мог быть «новый Вер-

³⁸ Улей, 1811, ч. 2, № 7, с. 133.

³⁹ Галинковский Я. Часы задумчивости. М., 1799, ч. 1, с. 8.

тер», «российский Вертер» и т. д. (вспомним и самое название романа Руссо — «Новая Элоиза»).

Серьезный читательский интерес к Руссо-романисту возникает в России уже в 1770-е гг. И Юнгом, и Руссо увлекаются члены львовского кружка (Н. А. Львов, М. Н. Муравьев, Г. Р. Державин). Знакомство с Руссо, и в частности с «Новой Элоизой», нашло непосредственное отражение в лирике Державина 1770-х гг.⁴⁰

Творческое переосмысление литературных образов Руссо в России продолжается Н. Эминым в его романе «Игра судьбы» (1789).⁴¹

В 1780-е гг. «Новая Элоиза» стала в России одной из самых читаемых книг. Рассказывая о своей походной жизни во время войны со Швецией в 1788 г., И. И. Дмитриев упоминал о том, что однажды утром он принял за перевод письма из «Новой Элоизы». ⁴² Дальнейшая судьба этого перевода неизвестна, но замечателен самый факт: книга Руссо взята с собой в военный поход. Человек иного, более старшего поколения, А. Т. Болотов, во время семилетней войны тоже возил с собой любимую книгу, но это был роман Фенелона «Телемак». ⁴³

«Новая Элоиза» приобретала поклонников даже в среде духовенства. В 1795 г. протопоп В. М. Протопопов писал С. И. Селивановскому: «Я люблю Жан-Жака не так, как антагониста религии, а как умеющего трогать душу и разговаривать с сердцем чувствительного писателя... Пришли же мне „Элоизу“, ежели можно — на первой почте. Мне она покажется, как красное яичко». ⁴⁴

Спустя еще десятилетие, 30 января 1805 г. А. А. Палицын писал В. И. Ярославскому: «Все, кроме невеж и ледяных сердец, согласны, что „Новая Элоиза“ столько выше всех в своем роде романов, как небо от земли; почти все ею восхищаются и ее желают». ⁴⁵

Вполне естественно, что и литературные герои многих произведений, созданных в этот период, также зачитываются романом Руссо.

⁴⁰ См.: *Западов В. А.* Державин и Руссо. — В кн.: Проблемы изучения русской литературы XVIII века. От классицизма к романтизму. Л., 1974, вып. 1, с. 55—65.

⁴¹ См.: *Лотман Ю. М.* Руссо и русская культура XVIII века. — В кн.: Эпоха Просвещения. Л., 1967, с. 280—281. В этой статье, так же как и в работе Ю. М. Лотмана «Руссо и русская культура XVIII—начала XIX века» (в кн.: Руссо Ж. Ж. Трактаты. М., 1969, с. 554—604), преимущественное внимание уделено вопросам восприятия общественно-социальных идей Руссо. Исследователь специально оговаривает, что он не останавливается на проблеме «„Новая Элоиза“ и русские романы XVIII века».

⁴² *Дмитриев И. И.* Взгляд на мою жизнь. — В кн.: Дмитриев И. И. Сочинения. СПб., 1893, т. 2, с. 33.

⁴³ См.: *Кучеров А.* Болотов — литературный критик. — В кн.: Литературное наследство. М., 1933, т. 9—10, с. 192.

⁴⁴ Библиографические записки, 1858, № 24, стлб. 756.

⁴⁵ *Сумцов Н. Ф.* Просветительная деятельность А. А. Палицына. — В кн.: *Сумцов Н. Ф.* Из украинской старины. Харьков, 1905, с. 39.

В повести Н. Брусилова «Липдор и Лиза, или Клятва» герой живет в деревне «среди поселян» и по вечерам читает единственную книгу — творения Руссо.⁴⁶ Своеобразную аналогию этой ситуации представляет эпизод из реальной жизни: В. М. Соковина, покинувшая дом после смерти отца, отправляется в деревню, захватив с собой самые дорогие и важные книги: библию и Руссо.⁴⁷

Особенно значительное место занимает Руссо в творчестве В. В. Измайлова. В повести «Ростовское озеро» (1795) Измайлов несколько не скрывает своей литературной ориентации, но, напротив, всячески ее подчеркивает. Эпиграф к повести взят из Руссо. Рассказчик начинает повествование с описания прогулки по берегу Ростовского озера: «На каждом шаге встречались мне прекрасные места, романтические убежища блаженства, цветущие берега, которые, может быть, ничто в сравнении с лиманскими прославленными Жаном Жаком Руссо и молодым Верном, но на которых осмеливался я поселять новую Юлию, сам быть вторым Сен-Пре и жить там с нею в тишине уединения посреди слабых существ, почерпнувших жизнь в источнике любви и удовольствия» (с. 144). Постоянная параллель с Юлией Руссо связывает героиню повести Измайлова Анюту. Рассказ о ней начинается у ее гробницы: на мраморной плите рассказчик читает слова из «Новой Элоизы».

Сюжет повести Измайлова ничего общего не имеет с романом Руссо. Молодой человек, встреченный рассказчиком на кладбище, вспоминает, как он познакомился с Анютой, как они полюбили друг друга, стали счастливыми супругами. Внезапная смерть Анюты повергает его в безутешную горечь. Таков незамысловатый сюжет, решительно освобожденный от сложных социально-психологических коллизий, развернутых в романе Руссо. Тем не менее книга французского писателя оказывается своеобразным сюжетно-тематическим центром в повести Измайлова. Собеседник рассказчика признается, как еще до знакомства с Анютой он мечтал встретить девушку, похожую на героиню Руссо: «Образ новой Элоизы, прекраснейшего из всех существ, когда-либо воображением произведенных, обитал в душе моей и служил мне путеводителем в моем искании» (с. 150). Однажды на берегу Ростовского озера он видит крестьянскую девушку, которая мечтает с книгой в руках. Это Анюта, дочь крестьянки и дворянина, получившая прекрасное образование, но оставшаяся без средств после смерти отца. Выясняется, что любимая книга Анюты — «Новая Элоиза», и это открытие мгновенно сближает «чувствительных» героев. Возникшая уже параллель Анюта—Юлия окончательно закрепляется. Книга Руссо выступает в роли своеобразного кодового знака, по которому герои узнают друг друга. Одно-

⁴⁶ Журнал российской словесности, 1805, ч. 2, с. 179—180.

⁴⁷ *Истории В. М. К биографии В. А. Жуковского.* — Журнал Министерства народного просвещения, 1911, № 4, с. 217.

временно повествование обогащается рядом литературных ассоциаций, рассчитанных на то, что и читатель повести — такой же «чувствительный» человек, прекрасно знакомый с «Новой Элоизой». Обогащаются и самые образы героев, очерченные в повести достаточно схематично. Если Анюта — это «вторая Юлия», а герой — «второй Сен-Пре», то читатель может представить себе, как они вели бы себя, если бы оказались в обстоятельствах, подобных ситуации героев Руссо.

Повесть Измайлова представляет собой любопытный пример постоянной ориентации на одно произведение, на одних и тех же героев. Сам автор «Новой Элоизы» становится героем стихотворения Измайлова «Послание к моему брату на наше уединение»:

Мы будем иногда приятным вечерком
Пастушкам сказывать о том писателе любезном,
Красноречивом, милом, нежном,
Который, удалясь под мирный сельский кров,
Как птичка в рощах пел — пел сладостно любовь.
Себе подобных был и друг и благодетель,
Был добрый человек;
Но с разумом своим, светильником вселенной,
Спокойства не сыскал, и сердцем одаренный
С сим сердцем пострадал — скончал прекрасный век
В судьбине мрачной, слезной,
Один, без друга, без любезной...⁴⁸

Несмотря на идиллическую стилизацию образа «милого, нежного» Руссо, автор стихотворения видит в нем притягательный пример для подражания. Характерно, что, спустя более чем тридцать лет, Н. Д. Иванчин-Писарев примерно в том же тоне писал о самом Измайлове: «Скоро почувствовал он, что независимая сельская жизнь должна питать занятия, которым он посвятил себя, и недалеко от Москвы, в уединенной деревеньке своей, он решил прожить большую часть жизни, наслаждаясь красотами природы и поэзии».⁴⁹ Статья Иванчина-Писарева, явившаяся откликом на смерть Измайлова, в свою очередь, естественно, была несколько стилизована. Однако характерно, что эта стилизация связана именно с созданием образа руссоистского типа. Измайлов — русский писатель и философ, стремящийся по-своему в жизни осуществить принципы Руссо: «Несмотря на постепенное умаление его достатка, остававшиеся у него служители и земледельцы не чувствовали никакой перемены в его попечениях: он был Философ не на одной бумаге».⁵⁰ Образ реального человека, писателя Измайлова, соотносится с героем его повести — «Молодой философ» (1803). Герой повести назван Эмилем, что сразу же ориентирует читателя на одноименный роман Руссо. Связь с этим произведением опять-таки подчеркивается самим автором, харак-

⁴⁸ Аонида. М., 1797, кн. 2, с. 311.

⁴⁹ *Иванчин-Писарев* Н. О Владимире Васильевиче Измайлове. — Лит. газ., 1830, т. 2, № 66, 22.XI, т. 424.

⁵⁰ Там же, с. 243.

теризующим героя следующим образом: «Образованный просвещенным отцем, в тишине сельского уединения по системе Руссо-вой философии, он мог бы решить собою, может быть, важную проблему, заданную славным Женевским писателем, если бы внезапная смерть отца не пресекла трудов воспитания». ⁵¹

Русский Эмиль оказывается владельцем нескольких тысяч крестьян. Он изображается как идеальный помещик, которого «поселяне, защищаемые им в притеснениях, пользующиеся в болезнях, утешаемые в горестях, почитали (...) праведником». ⁵² Впрочем, эта сторона жизни героя остается лишь эпизодом. Главное место в повести занимает история отношений Эмиля и светской красавицы Лины.

Чтение сентиментальных романов подготавливает Эмиля к встрече с возлюбленной, подобной его любимым героям: «...от утра до вечера мечтал о Юлиях, Софиях, Клариссах». ⁵³ На первом месте, естественно, оказываются героини Руссо; не забыта и героиня Ричардсона. Непостоянная Лина, однако, оказывается совершенно не похожа на них. Впрочем, Эмиль понимает это далеко не сразу. При встречах с Эмилем Лина стремится поддержать его иллюзии, и в равнодушии к чтению ее упрекнуть нельзя: «Лина читала всегда какую-нибудь книгу Эмилю, который удивлялся охоте ее ко чтению». ⁵⁴ Более того, желая, чтобы Эмиль вызвал на поединок посмеявшегося над ними Эраста, Лина убеждает колеблющегося возлюбленного самым веским аргументом: «Друг мой! Сен-Пре, образец редкого любовника, не так думал, когда он летел мстить за оскорбленную Юлию». ⁵⁵ Побывав на поединке, а затем узнав о неверности Лины, Эмиль ищет утешения в чтении «Вертера» и завидует «сему несчастному любовнику, который, расставаясь с жизнью, не расстался с чувством быть любимым». ⁵⁶

Эта постоянная ориентация Эмиля на любимого литературного героя, его судьбу, его мироощущение в конце концов приводит к полному разладу с действительностью. Находясь под влиянием прочитанных книг (прежде всего Руссо), Эмиль живет в мире иллюзий и долго не замечает несоответствия между воображаемым миром и реальным. Когда же ему приходится убедиться в этом несоответствии, он становится уединенным мизантропом: «Искал некогда Элоизы, Клариссы, Юлии и доживал век свой с одним их мысленным образом; хотел принести философию к людям и скрывал ее в тихом углу своем». ⁵⁷

При всей поверхностности конфликта, намеченного в повести Измайлова, здесь нашла отражение важная проблема, поставлен-

⁵¹ Вестник Европы, 1803, ч. 8, март, № 5, с. 8.

⁵² Там же, с. 9.

⁵³ Там же, с. 13.

⁵⁴ Там же, с. 22.

⁵⁵ Там же, № 6, с. 99.

⁵⁶ Там же, с. 103.

⁵⁷ Там же, с. 106.

ная литературой сентиментализма: проблема соотносительности идеального и реального. Восхищению образцовыми литературными героями начинают сопутствовать скептические размышления об их «ненатуральности».

Характерны в этом отношении суждения А. Т. Болотова, относящиеся к 1791 г. Очень резко отзываясь об авантюрном романе Ф. Эмина «Непостоянная Фортуна, или Похождения Миромонда», Болотов предпочитает романы, «которые бы могли трогать внутренность сердец и излекать из читателей слезы удовольствия и чтоб изображениями хороших и благодетельных деяний душа их приводилась в приятные и восхитительные движения».⁵⁸ Этим требованиям отвечают сочинения «славного Жан Жака Руссо», как выясняется при разборе книги «Эмиль и София, или Хорошо воспитанные любовники» (М., 1779, пер. П. Стрехова). Болотов убежден, что эту книгу «действительно бесполезно со вниманием читать девицам». Хвалит автора за «нежность и приятность», Болотов, однако, делает и ряд серьезных критических замечаний: «Впрочем, нельзя не признать, что господин Руссо и в сем сочинении так же как в своем Эмиле натягивал струну уже слишком высоко и превосходил иногда уже и пределы натуральности. Он предписывал такие правила, которые удобнее могут почесться умовообразательными, нежели удобопроизводимыми, и такими, которые в самой практике могут быть наблюдаемы. Словом, такие любовники, какими изобразил он своего Эмиля и Софию, существуют только в книгах и в умовообразении, а в природе едва ли подобных им отыскать можно. Да едва ли когда-нибудь и могут быть таковые».⁵⁹

Противоречие между идеальным и реальным, приводящее к трагической развязке, — внутренняя основа конфликта в повести Карамзина «Бедная Лиза». Знакомясь с Эрастом, читатель узнает, что «он читывал романы, идиллии, имел довольно живое воображение и часто переселялся мысленно в те времена (бывшие или не бывшие), в которые, если верить стихотворцам, все люди беспечно гуляли по лугам, купались в чистых источниках, целовались, как горлицы, отдыхали под розами и миртами и в счастливой праздности все дни свои провождали» (I, 610). Чтение романов делает героя неподготовленным к реальным жизненным коллизиям. В результате страдает и он сам, и те люди, с которыми ему приходится сталкиваться. Разлад между литературными идеалами и действительностью в большинстве случаев приводит к трагической разрядке. Отношение писателей-сентименталистов к этому противоречию двоякое.

С одной стороны, ощущая «ненатуральность» поведения романтических героев, они осуждают ее и пытаются преодолеть.

⁵⁸ Болотов А. Т. Мысли и беспристрастные суждения о романах, как оригинальных российских, так и переведенных с иностранных языков. — В кн.: Литературное наследство М. 1933, т. 9/10, с. 207—208.

⁵⁹ Там же, с. 213.

В романе Н. Эмина «Роза» положительный герой Честон говорит своей невесте: «Вздыхать, рваться, стонать, бросаться на колени и пускать страстные взгляды — не могу я приучить себя к трагическим сим уловкам. Нет, сударыня, не подражаю я романам».⁶⁰ Но в то же время врагом романов здесь оказывается и отрицательный персонаж княгиня Д*, которая, не считаясь с чувствами дочери, решает выдать ее за знатного и богатого Ветрогона. «Ты слишком заражен романами, — заявляет она Милону, — в свете нельзя, милостивый государь, поступать по-письменному». На что Милон отвечает: «Вижу, сударыня, что вы не по-письменному, последуя бедственному предубеждению, устроили гибель вашей дочери».⁶¹ Вполне очевидно, что автор на стороне Милона: «поступать по-письменному» — значит следовать тем нравственным идеалам, которые герой почерпнул из прочитанных им книг.

Наиболее глубокое осмысление эта проблема нашла в творчестве Карамзина. В повести «Рыцарь нашего времени», воскрешающей детские воспоминания писателя, чтение романов названо «важной эпохой в образовании <...> ума в сердца» героя. Герои повести по-разному относятся к книгам. Отец Леона считает, что «охота ко чтению каких бы то ни было книг есть хороший знак в ребенке» (I, 764). Покойная мать Леона предпочитала чтение романов, которые составляли в основном всю ее библиотеку. Это были преимущественно любовно-авантюрные переводные романы и произведения Ф. Эмина. Леон с жадностью читает эти книги: «Душа Леонова плавала в книжном свете, как Христофор Колумб на Атлантическом море, для открытия... сокровитного» (I, 765). В повести появляется, однако, эпизодический персонаж, выступающий против чтения романов. Это «один важный доктор», восклицающий: «Губите себя вашими книгами и романами! <...> Но оставьте в покое недовершенное произведение природы; не воспалите воображение детей; дайте укрепиться молодым нервам и не приводите их в напряженье, если не хотите, чтобы равновесие жизни расстроилось с самого начала!» (I, 772). Прямое возражение словам «важного доктора» содержится в авторском тексте: «Сие чтение не только не повредило его (Леона, — Н. К.) юной душе, но было еще весьма полезно для образования в нем нравственного чувства» (I, 765). Подобная апология романов не препятствует критическому и даже ироническому отношению автора к «великим творениям» Федора Эмина и прочим сочинениям, в которых «герои и героини, несмотря на многочисленные искушения рока, остаются добродетельными, все злодеи описываются самыми черными красками» (I, 765).

В повести ничего не сообщается о знакомстве Леона с «Вертером» и романами Руссо. В этом случае можно полагать, что, характеризуя круг чтения Леона, Карамзин опирался на свой

⁶⁰ Эмин Н. Роза, с. 140.

⁶¹ Там же, с. 109.

собственный опыт. С крупнейшими романистами европейского сентиментализма писатель познакомился, очевидно, уже в юношеские годы. Увлеченным читателем и почитателем Руссо оказывается герой «Писем русского путешественника».

Одна из заветных целей русского путешественника — побывать в «тех прекрасных местах, в которых бессмертный Руссо поселил своих романтических любовников» (I, 277). Карамзин отправляется в эти места «с весельем в сердце — и с Руссовою „Элоизою“ в руках». Как и во многих других случаях, книга становится спутником и даже, можно сказать, путеводителем путешественника. Обращаясь к друзьям, Карамзин вспоминает, «с каким удовольствием» они вместе читали «Элоизу». Этот момент характерен: излюбленный способ знакомства с книгой — совместное чтение, чтение, объединяющее духовно близких друг другу людей.

Путешественнику важно не просто побывать в описанных Руссо местах, но именно там перечитать памятные страницы романа. Длинная цитата, тут же приведенная Карамзиным из письма Сен-Пре к Юлии, помогает и читателю «Писем», подобно их автору, оживить в своем воображении героев Руссо. Но все это не мешает Карамзину тут же критически оценить «Новую Элоизу», в которой, по его мнению, «много неестественного, много увеличенного, — одним словом, много романического», и признать, что в «Вертере», по сравнению с романом Руссо, «более природы», хотя без «Элоизы» «не существовал бы и немецкий „Вертер“» (I, 279). Восторгаясь героиней Руссо, автор «Писем» ощущает «ненатуральность» ее характера: «Ах, друзья мои! Для чего в самом деле не было Юлии! Для чего Руссо не велит искать здесь следов ее! Жестокий! Ты описал нам такое прекрасное существо и после говоришь: „Его нет!“» (I, 279).

Спор с Руссо, автором «Новой Элоизы», находит своеобразное продолжение в повести Карамзина «Юлия» (1796). Самое имя героини, как справедливо отметил П. А. Орлов, наталкивает читателя на параллель с «Новой Элоизой». Однако нельзя согласиться с исследователем, что спор, который Карамзин ведет здесь с Руссо, обусловлен тем, что автор «Юлии» «утверждает мысль о необходимости подчинять свои страсти рассудку во имя сохранения добродетели».⁶² «Юлия» — не нравоучительная, а психологическая повесть. Удалившись от светской суеты в деревню, Юлия начинает скучать и, пытаясь ее развлечь, любящий супруг, Арис, начинает читать ей «Новую Элоизу». Прослушав несколько страниц «о блаженстве взаимной любви», Юлия замечает: «Прекрасно! Только знаешь ли, мой друг? Мне кажется, что Руссо писал более по воображению, нежели по сердцу. Хорошо, если бы так было, но так ли бывает в самом деле? Удовольствие счастливой любви есть, конечно, первое в жизни, но может ли оно быть

⁶² Орлов П. А. Русская сентиментальная повесть. — В кн.: Русская сентиментальная повесть, с. 16.

всегда живо, всегда наполнять душу? Может ли заменить все другие удовольствия?» (с. 112).

Это суждение о книге Руссо, которое произносит героиня повести, непосредственно соотносится и с высказыванием путешественника о «Новой Элоизе», и, разумеется, с оценкой самого Карамзина. В то же время разговор о «Новой Элоизе» — средство характеристики героев повести, ключ к пониманию образа карамзинской Юлии — героини не столь идеальной, как Юлия Руссо, по воплощающей представление автора о психологической достоверности характера.

Соотнося приведенные примеры, можно проследить, как прочитанная книга трансформируется в сознании писателя. Свидетельство в «Письмах» о чтении «Элоизы» вместе с друзьями — важный биографический факт, указывающий на то, что Карамзин познакомился с романом Руссо еще до путешествия. Время совместного чтения книги вместе с друзьями, т. е., очевидно, в семье Плещеевых во второй половине 1780-х гг., — период восторженного отношения к Руссо Карамзина-читателя. Паломничество к местам, описанным в «Новой Элоизе», прогулка с книгой в руках и перечитывание отрывков из нее — это как бы переломный момент в восприятии Руссо, это биографический факт и вместе сюжет одного из «Писем русского путешественника». Критическое переосмысление романа Руссо и созданных им образов становится, наконец, творческим импульсом при создании оригинальной повести Карамзина «Юлия».

Постоянно споря и с Руссо-писателем, и с Руссо-публицистом, Карамзин неизменно возвращается к нему. В статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» (1802) обращение к Руссо расценивается как свидетельство наиболее развитого читательского вкуса. «Как скоро между автором и читателем велико расстояние, — писал Карамзин, — то первый не может сильно действовать на последнего, как бы он умен ни был. Надобно всякому что-нибудь поближе: одному Жан-Жака, другому „Никанора“ <...> Вкус нравственный открывает человеку верную аналогию предмета с его душою; но сия душа может возвыситься постепенно — и кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до „Новой Элоизы“». ⁶³ Авантюрный роман «Несчастный Никанор, или Приключение жизни российского дворянина» (СПб., 1775, ч. 1; М., 1787—1789, ч. 1—3) противопоставляется роману Руссо, и это сопоставление как бы обозначает крайние точки на шкале, измеряющей степень развитости читателя. Мысль о возможности сближения этих точек, высказанную Карамзиным в журнальном тексте статьи, впоследствии, очевидно, писатель подверг сомнению. В более поздней публикации последняя фраза приведенной цитаты была изменена следующим образом: «...и кто начинает „Злосчастливым дворянином“, нередко доходит до Грандисона» (II, 179).

⁶³ Вестник Европы, 1802, ч. 3, май, № 9, с. 60.

Так же, как в автобиографической повести «Рыцарь нашего времени», Карамзин-публицист выступает страстным апологетом «чувствительных» романов: «Слезы, проливаемые читателями, текут всегда от любви к добру и питают ее» (II, 180). Интерес к чтению романов оказывается своеобразным нравственным критерием с точки зрения Карамзина, убежденного, что «дурные люди и романов не читают».

Соответственно, отношение к чтению является важным моментом в характеристике героев карамзинской повести «Чувствительный и холодный». «Чувствительный» Эраст «еще в детстве пленялся романами, поэзией, а в истории более всего любил чрезвычайности, примеры геройства и великодушия». В противоположность ему «холодный» Леонид скептически относился к романам, считая их «пебылицами», а историю читал «не для внутреннего наслаждения, но как вокабулы или грамматику» (I, 742). Это краткое упоминание — важный штрих, объясняющий во многом дальнейшие судьбы героев и вместе с тем обнаруживающий отношение к ним самого автора.

Увлечение «чувствительными» романами долго воспринимается как знак определенной характеристики в сознании русского читателя начала XIX в. Достаточно вспомнить в этой связи круг чтения Татьяны Лариной:

Ей рано нравились романы;
Они ей заменяли все;
Она влюблялася в обманы
И Ричардсона и Руссо.

Татьяна с упоением читает эти книги, долго не замечая «обманов», т. е. «ненатуральности» героев, пока жизнь не заставляет ее покинуть мир грез.

В отличие от писателей-сентименталистов, стремившихся ориентировать своих героев на литературные образцы, Пушкин создал совершенно самобытный образ. Но проявившееся при этом полемическое отношение к «чувствительному» роману не было новым в русской литературе. Начиная с Болотова, через Карамзина оно было воспринято, очевидно, уже значительной частью русской публики 1810-х гг.

О противоречивости и «неестественности» в обрисовке характеров Юлии и Сен-Пре подробно говорилось в «Письме россиянки» «О Новой Элоизе», хотя здесь же отмечалось достоинство Руссо в «искусстве живописного пера».⁶⁴ В своеобразный спор с поклонниками Ричардсона и Руссо вступал автор статьи, названной «Русская повивальная бабка». Здесь рассказывалось о некоей Милене, светской даме, которая от скуки «прибегала иногда к романам, мечтала о Грандисонах, о Сен-Прё; платила слезами дань воображению и, выходя из области романов, еще

⁶⁴ Вестник Европы, 1814. ч. 75. ма4, № 9, с. 36–47.

более негодовала на свет и на себя». ⁶⁵ В конце концов Милена начинает учиться повивальному искусству и занимается спасением «несчастливых младенцев».

Однако противопоставление героя действующего герою «читающему» имело лишь эпизодический характер. «Читающий» герой оставался наиболее характерной фигурой в русской литературе конца XVIII—начала XIX в. Замечательно, правда, что круг чтения этого героя постепенно стал расширяться за счет произведений отечественных авторов.

Обращение к рукописным сборникам XVIII в. дает богатый материал для изучения читательских вкусов эпохи. ⁶⁶ В течение долгого времени духовные стихи, произведения Ломоносова, Сумарокова, Хераскова составляют содержание значительной части сборников, создававшихся в конце XVIII—начале XIX в. Вспоминая о своем детстве, И. И. Дмитриев рассказывал, как его отец в кругу семьи вслух читал стихи Ломоносова и какое сильное впечатление это чтение произвело на него. ⁶⁷ Между тем писатели-сентименталисты (люди примерно того же поколения, что и Дмитриев) обычно не упоминают о Ломоносове и Сумарокове, характеризуя круг чтения своих героев. Этот круг чтения намеренно сужался: образованный человек того времени знакомился с отечественной литературой несравненно в более широком масштабе, чем это можно было бы представить по текстам произведений сентиментализма. Тем не менее называемые в них книги — это сочинения не только европейских авторов, но и русских.

В повести Клушина «Несчастный М—в» круг литературных ассоциаций, связанных с образом героя, не ограничивается произведениями Гете и Руссо. М-в — это и Вертер и Сен-Пре, но кроме того он — и Ярб из «Дидоны» Княжнина. Знакомство М—ва и Софьи происходит после спектакля, в котором герой с блеском исполняет роль Ярба — «роль, которую называл он пламенной, наполненную страстей» (с. 119). Подобная ассоциация интересна как пример «своего» прочтения классической трагедии «чувствительным» героем. Однако вполне естественно, что с распространением читательского интереса к изданиям сентименталистского характера именно они и начинают упоминаться литературными героями.

Так, например, в «Часах задумчивости» Я. Галинковского мимоходом говорится, что одна из героинь, сестра Элизы, «перебирала листки Приятного препровождения времени». ⁶⁸ В повести А. Эмина «Милые нежные сердца» рассказчик вспоминает, как он наслаждался «приятной сельской жизнью» на берегах

⁶⁵ Русский вестник, 1809, ч. 7, № 7, с. 49—50.

⁶⁶ См.: Описание рукописного отдела БАН СССР. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения/ Сост. И. Ф. Мартынов. Л., 1980, т. 4, вып. 2.

⁶⁷ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь, с. 5.

⁶⁸ Галинковский Я. Часы задумчивости. М., 1799, ч. 2, с. 85.

Клязьмы: «Здесь под ветвистым кустом читал я Фепелона или милого русского путешественника».⁶⁹

Частые эпитафии, цитаты, реминисценции из Карамзина — свидетельство не только эпигонства, но и самой широкой популярности карамзинских сочинений.

Ф. Н. Глинка красноречиво рассказывал, каким событием для русских читателей было знакомство со сборником Карамзина «Мои безделки»: «В раннем детстве моем, как запомню себя, в смиренном околотке нашем, Смоленской губернии, близ г. Духовницы, мало читали и, кроме книг духовного содержания, почти не имели других, — . . . Вдруг появились у нас в доме „Мои безделки“. Нам прислали эту книгу из Москвы, и как описать впечатление, произведенное ею? Все бросились к книге и погрузились в нее: читали, читали, перечитывали и, наконец, почти вытвердили наизусть. От нас пошла книга по всему околотку и возвратилась к нам уже в лепестках. Так стало, думаю, и везде с первыми опытами Карамзина».⁷⁰ В. Г. Белинский справедливо отмечал как одну из важнейших заслуг Карамзина то, что он «умел захотеть русскую публику к чтению русских книг». «Он создал русскую публику, которой до него не было: под публикую мы разумеем известный круг читателей».⁷¹

«Читающий» герой, введенный литературой сентиментализма, так же как и реальный читатель, «чувствительный человек», получили возможность расширить круг своего чтения за счет произведений отечественных авторов, прежде всего Карамзина.

Однако процесс переоценки ценностей интенсивно продолжался и в жизни, и в литературе. Даже почитатели карамзинских сочинений ощущали некоторую опасность в чрезмерном увлечении их чтением. Интереснейшее свидетельство в этом отношении представляет собой письмо П. А. Словцова 1795 г. из Петербурга, обращенное к одному из его друзей. «В отраду твоему скорбному, стесненному сердцу, — писал Словцов, — я посылаю тебе, любезный друг, одну часть „Аглаи“ Карамзина < . . . > Подобного рода чтениям не предавайтесь со всем занятием, а довольно будет, если будете уделять для них меланхолические минуты вашей жизни. — Также, когда принимаетесь изливать на бумагу ваши чувства, не старайтесь слишком подделываться ко вкусу Карамзина. Уже и так здесь много появилось подражателей, но должно заметить, что не всякое перо может писать черпилами Карамзина».⁷²

Предостережение Словцова оказалось пророческим: многочисленные подражатели Карамзина способствовали уже не столько развитию, сколько опошлению читательского вкуса. Неудивительно, что и «читающий» герой стал переориентироваться, ме-

⁶⁹ А. Э. [Эмин]. Милые нежные сердца. Российское сочинение. М., 1800, с. 7.

⁷⁰ Погочин М. П. Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников. М., 1866, ч. I, с. 246—247.

⁷¹ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 7, с. 139.

⁷² ИРЛИ, ф. 388, оп. 1, № 197, л. 24 об.

нять свои интересы и оценки. В круг чтения литературных героев вслед за Карамзиным попадает и В. А. Озеров. В юношеском сочинении В. Г. Белинского «драматической повести» «Дмитрий Калинин» герои с увлечением читают озеровского «Фингала», и это совместное чтение, как в повестях XVIII в., служит важным моментом в развитии дальнейших событий. Дмитрий рассказывает другу, как чтение помогло ему признаться в своих чувствах возлюбленной: «Я начал читать явление, в котором представлено свидание Фингала с Моинюю. Боже мой! что вдруг сделалось со мною? Я забыл трагедию, Моину, Фингала, — одни только слова его огненною рекою лились из уст моих; этот жар, это исступление, с коими я декламировал их, ясно показали Софье, что я чувствовал и к кому относится монолог Фингала».⁷³

Увлечение произведениями сентименталистов постепенно начинает восприниматься как отрицательная характеристика героя. Лермонтов не упоминает о круге чтения Грушницкого, но трудно догадаться о его литературных вкусах, судя по тому, как он ведет «сентиментальный разговор». Наконец, откровенной пародией звучат слова гоголевского Хлестакова: «Для любви нет различия, и Карамзин сказал: „Законы осуждают. Мы удалимся под сень струй“».⁷⁴

Реалистическая литература совершенно по-новому решила проблему «читающего» героя. Чтение само по себе как повседневное занятие образованного человека перестало уже быть какой-то особой характеристикой героя. Внимание по преимуществу сосредоточилось на том, как соотносится образ героя с кругом его чтения, как воспринимает он прочитанное (например, Макар Девушкин у Достоевского). Однако впервые специально поставила проблему читающего героя литература сентиментализма, сделавшая важный шаг на пути сближения словесной и бытовой культуры.

⁷³ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1953, т. 1, с. 430.

⁷⁴ Гоголь Н. В. Полн. собр. соч. М., 1951, т. 4, с. 76.